ЧАСТЬ I

В шестьдесят два года Лев захотел увидеть Эверест. Не с самолета и не с организованной группой, а самому ногами дойти до базового лагеря, закинуть голову и посмотреть на высшую точку Земли, оторвав взгляд от ботинок. С юности в его памяти засела фраза «увидеть Париж и умереть» — Париж он видел много раз, но до сих пор не умер. Теперь он решил испытать себя Эверестом. Высота базового лагеря, откуда уходят на штурм вершины альпинисты, — пять тысяч триста шестьдесят четыре метра. Не так мало для пожившего жизнь человека.

Когда-то давно, еще в Советском Союзе, он и его друзья читали о Шамбале — мифической стране мудрецов, спрятанной в Тибете, — и мечтали о большом горном путешествии. Добраться до Тибета советские студенты, конечно, не могли, но и в Советском Союзе были семитысячники. В восемнадцать лет Лев решил, что время безвозвратно уходит, пора осуществлять свои мечты, и вместе с девушкой Лизой отправился на Памир, чтобы своими глазами увидеть самую высокую вершину Советского Союза — пик Коммунизма. Их путь пролегал через долину Обихингоу — сначала вдоль полноводной горной реки по населенным местам, затем в безлюдных верховьях и дальше к леднику Гарм. Перейдя этот ледник, они должны были оказаться на границе с Афганистаном — в точке, с которой, судя по описаниям, открывался впечатляющий вид на пик Коммунизма. Чтобы выбраться оттуда, нужно было либо долго идти пешком

через горы, либо по примеру путешественников, отчетом которых вдохновился Лев, просто сдаться пограничникам. Те арестовали бы их за отсутствие разрешения на пребывание в погранзоне и выслали бы в Москву. Быстро и дешево.

Неделю Лев с Лизой шли по долине вверх. Мимо них на ослах проезжали таджики в халатах и тюбетейках. От густого влажного леса они постепенно поднялись к сухим скалам. Снежные горы, которые вначале казались миражом, с каждым днем проступали все отчетливее. По утрам, вылезая из палатки, они трогали кончиками пальцев изморозь на зеленой траве.

Потом поселения закончились. Время от времени им еще попадались замшелые развалины домов, но людей больше не было. На рассвете их маленький лагерь навещали горные козлы, днем над ними смеялись суслики. Лев выкапывал из земли золотой корень — или то, что принимал за него, — заваривал его и пил вместе с Лизой, чтобы набраться сил для основного подъема.

Еще несколько дней спустя путь им преградил мощный приток. Перейти его вброд, оставшись в живых, шансов не было: бешеный водный поток снес бы смельчаков как котят и размозжил бы о камни. Тогда они решили подняться вдоль притока, чтобы обогнуть его сверху по леднику. Через два дня подъема они уткнулись в неприступные скалы — путь дальше был закрыт.

Лев хорошо помнил, как они сидели под скалой, глядя на свирепый грохочущий поток воды. Им было жарко — хотелось прохлады ледника. Они разложили перед собой карту Памира, вынули фотографию пика Коммунизма и прощались со своей мечтой. Лев достал шоколадку, припасенную для ледника Гарм, Лиза налила в кружку прозрачной воды из ручья, и они подсластили шоколадом горечь поражения. Лев неловко обнял Лизу, она неуклюже ткнулась ему в плечо, они взвалили на себя тяжеленные рюкзаки и потрусили вниз, навстречу осликам, дыням, Москве,

институту, женитьбам, расставаниям — длинной-длинной короткой жизни, которая сорок четыре года спустя описала петлю и вынесла Льва к той же мечте: он снова захотел увидеть горы, только теперь уже не пик Коммунизма, а Эверест — главную вершину мира. Откладывать и тренироваться было некогда: в шестьдесят два оставшиеся годы уже считают по пальцам, а потому не было уверенности, что его сил хватит больше чем на одно путешествие.

Лев позвал с собой свою жену Милу. Она была его сверстницей, но занималась спортом, держала себя в форме и могла пробежать больше и быстрее, чем он. Мила, однако, сказала, что стара для таких приключений, но не имеет ничего против, чтобы Лев пошел один.

«Один?!» Лев даже растерялся. Как-то так вышло, что он никогда не путешествовал в одиночку. С ним всегда были жена, или дочка Аня, или друзья.

«Один?..» Он окинул мысленным взглядом своих близких и вдруг понял, что Аня выросла и ей теперь интереснее ее тусовки, друзья уже давно предпочитают спокойный отдых, да и жене, как видно, нужно что-нибудь покомфортнее.

Лев попробовал представить себе это одиночество, почувствовать его вкус — оно оказалось манящим и терпким. «Один… А почему, собственно, нет?» Прикинув и состыковав разнообразные жизненные планы, он наметил путешествие на следующую весну.

Спортом, в отличие от жены, Лев не увлекался и хорошей физической формой похвастаться не мог. Чувствовал себя, как когда-то говорила его бабушка, «по возрасту»: вставалось по утрам тяжело, побаливали колени, желудок частенько не принимал ничего, кроме овсяной каши, зато ровно стучало сердце и исправно работали легкие. Он решил было для подготовки начать бегать по утрам, но из этого ничего не вышло: рабочая суета и унылый московский ноябрь быстро отвратили его от этого прекрасного намерения. Зато он прочитал множество отчетов о предстоящем пути, купил хорошее

снаряжение и 25 апреля обнял жену, посидел на дорогу, сказал сам себе «в добрый путь», «с богом», «ни пуха ни пера», сам себе ответил «к черту», что еще сказать — не придумал, встал, надел новенький легкий суперсовременный рюкзак, неразношенные горные ботинки и вышел из дома.

* * *

Через два дня Лев спустился по хлипкому трапу маленького самолета компании «Йети» в непальском поселке Лукла, на высоте две тысячи восемьсот шестьдесят метров. Он немного постоял у самолета на затекших ногах, поежился от холодного ветра, оглядел каменистые холмы, засомневался, хватит ли ему теплой одежды, если уже здесь, внизу, так холодно, прислушался к легкой ноющей боли в колене и улыбнулся. Было тревожно, одиноко, над горами клубились облака, а вдали тоненько потренькивала еле слышная нота счастья.

Прямо на выходе из аэропорта Льва встретил какой-то молодой шерп и так решительно схватил его рюкзак, что Лев испугался. «А что, если он сейчас убежит вместе с рюкзаком? Может быть, нужно повыбирать, а не соглашаться на первого встречного?» Но шерп шел легко и уверенно, был столь спокоен, так хорошо улыбался, что и Лев успокоился. Они зашли в маленький каменный домик — почерневшая от сырости и дождей деревянная вывеска гласила, что это «The Turning Lodge». Там, усевшись за обшарпанный столик, они быстро обо всем договорились. Шерпа звали Ганга, как великую индусскую реку. Лев достал карту и пытался что-то показывать и спрашивать, но Ганга на карту почти не смотрел, а только улыбался и говорил: «О'кей!» Потом предложил Льву тибетского чая — с солью, молоком и маслом яка. Лев выпил, почувствовал, как скукожился желудок, пожалел, что купился на экзотику, и вместе со своим проводником отправился в путь.

* * *

К базовому лагерю Эвереста вела хорошо набитая широкая тропа, загруженная, как настоящая трасса. По ней длинной вереницей поднимались и спускались европейские туристы, шерпы, длинношерстные яки. Копыта взбивали пыль, от которой приходилось спасаться, надевая очки и повязку на лицо.

Ганга шагал во вьетнамках на босу ногу, трениках и старой рваной флиске. Рюкзак Льва он привязал к своему и безо всякого усилия нес эту несуразную поклажу, распевая на ходу незатейливые непальские песни. За ним в новеньких трекинговых ботинках, гортексной ветровке, морщась от боли и удовольствия, без груза — налегке — тяжело поднимался Лев.

Дорога от Луклы у подготовленных путников занимает восемь дней, но Лев для лучшей акклиматизации заложил все двадцать. И это было предусмотрительно: до Намче-Базара, главного перевалочного пункта альпинистов, вместо двух положенных дней он добирался четыре.

В Намче-Базар Лев пришел засветло, выбрал гестхаус, сел в главном зале около железной печки, заказал себе европейский чай и принялся от руки писать дневник. Когда он поднял голову, на секунду оторвавшись от тетради, то обнаружил, что поселок за окном исчез — его окутало облако. В этот миг дверь в домик отворилась, и сквозь облако Лев увидел силуэты бредущих мимо яков и пастуха. Один як мотнул головой, и его рога на секунду оказались внутри домика. Вслед за рогами в дом пробрался завиток облака, оглядел собравшихся и испарился. Яки позвенели колокольчиками и ушли, за ними проковылял в тумане пастух.

Вместе с яками и облаком ко Льву заглянуло счастье. Оно на миг обволокло его, и он забыл о своем возрасте, ноющих коленях, других странах за границами поселка; мир, дочка, работа, жена, все путешествия представились ему в это мгновение праздничным калейдоскопом, и все

зазвенело в такт с колокольчиками. Туман проник в легкие, замерло сердце. А затем облако вышло из домика, пастух слился с туманом, дверь затворилась — и на смену счастью пришло одиночество. Сидя среди других туристов, рядом с радостным Гангой, Лев был совершенно одинок. Он отпил чай, опустил голову и продолжил писать дневник. Ему остро хотелось вложить в тетрадку облако, яков, счастье и одиночество, но он не знал, как это сделать, и потому просто перечислил бытовые детали и подробности этого дня.

* * *

До настоящего одиночества в «одиноком» путешествии было очень далеко. На тропе Лев в любой момент мог поболтать с Гангой. Тот плохо знал английский, но с готовностью рассказывал о горах, о жене, улыбался и загибал пальцы, называя имена своих семерых детей, пел на ходу песни и даже пританцовывал. Жаркая зависть охватывала Льва к тому, что можно быть таким легким, сильным, здоровым и счастливым взрослым ребенком. Изрядную долю безбожно исковерканных Гангой английских слов Лев не понимал, но его это совершенно не заботило, и он сам в ответ рассказывал о своей жизни и вслед за Гангой зажимал пальцы, перечисляя имена своих жен. А Ганга изумлялся, потому что думал, что только детей бывает много, а жена всегда одна. А потом Лев просил Гангу петь песни — и они лечили его от зависти и печали.

В гестхаусах уединение Льву тоже не грозило. Западные туристы, которые там ночевали, были по большей части веселыми и общительными. Лев зацепился взглядом за хрупкую сухую фигурку — француженку с глубокими морщинами и двумя косичками, как у девочки. Она была одета в короткое пестрое платье и темно-синие колготки — тоже как девочка. Он долго смотрел, как юная старушка расплетала волосы, мыла их в ведре с теплой водой, а потом сушила

у железной печки. Она была мила и кокетлива. Они немного поговорили — в основном жестами, поскольку француженка не знала английского, а Лев — французского. «Запомню ли я ее? — гадал Лев. — Это лицо, похожее на сморщенное красное яблочко? Карие, почти не замутненные возрастом глаза? Выцветшее тату L'Amour на узкой кисти?» Беседа сошла на нет, но Лев продолжал бесцеремонно бродить по ней взглядом, изучая фактуру ткани, трещинки на коже, слезший с ногтей лак. «Забуду, — с горечью думал он, — все равно все забуду». Как забыл свою первую девушку Лизу: смущенная улыбка, эфемерное дуновение ветра — вот и все, что осталось в памяти… «Косички, может быть, вспомню, но вот эта маленькая голубая прядка, вплетенная в левую косичку, где кончик мило торчит, упираясь в ухо, — вот это затрется, как затерлась ее L'Amour…»

На следующей стоянке Лев встретил стайку молодых девушек. Они пришли в гестхаус позже Льва, заняли весь зал, шумели, болтали, рассказывали ему о себе, а утром ушли очень рано. Завтракая во внезапном затишье, Лев завидовал их молодости.

Один раз он ночевал с парой из Новой Зеландии. Оба работали учителями в школе, а когда им исполнилось пятьдесят, вышли на пенсию и отправились путешествовать. С тех пор они вот уже пять лет ходили по Азии и ни разу не возвращались домой. Им Лев обзавидовался еще больше. Он тоже любил трекинги и тоже хотел, чтобы его жена Мила все оставила и ушла с ним в Тибет. Но она не пожелала все бросать и куда-то идти — осталась в Москве и писала ему оттуда добрые и довольно отстраненные сообщения, спрашивала, как дела. Он получал эти послания в гестхаусах, подключившись к слабенькому интернету. Подробно рассказывать о себе ему не хотелось, и потому он отвечал тоже коротко и отстраненно. Зато в дневнике расписывал свое путешествие в подробностях. Ему нравилось, что можно опять, как в молодости, писать ручкой в тетради. Сначала было сложновато: привычные

к клавиатуре руки быстро уставали, — но чем дальше, тем с бóльшим удовольствием он вырисовывал буквы.

* * *

Через одиннадцать дней пути Лев с Гангой дошли до поселения Тенгбоче. Здесь, на высоте четыре тысячи триста метров над уровнем моря, располагался самый высокогорный в мире буддийский монастырь.

В четыре утра Лев проснулся по будильнику. Горячее желание поспать боролось с любопытством. Зная по опыту, что любопытство проиграет, если ему не помочь, Лев усилием воли вытащил себя из спальника и в темноте по мерзлой земле отправился смотреть на буддийскую церемонию.

Храм был холодный, монахи кутались в ватные одеяла, пили чай, который им подливал служка, били в барабаны, бормотали — каждый что-то свое, — дули в огромные раковины… Все это больше напоминало музыкальный праздник в детском саду, а не молитвы. Вместе со взрослыми баловались со старинными инструментами и дети.

* * *

Еще три дня спустя Лев вышел на плато, с которого наконец можно было увидеть Эверест, прежде прятавшийся за ближними хребтами. Здесь уже лоскутами лежал снег. Глядя на темный и невзрачный пик вдали, никакого величия Лев не узрел и восторга не испытал. В фантастическом горном окружении Эверест не выглядел самой высокой вершиной — просто черный камень на горизонте в череде других черных камней.

Ганга показал Льву турики — пирамидки, сложенные из камней. Подойдя ближе, Лев с оторопью осознал, что это могилы. Много-много могил людей, которые погибли при восхождении на Эверест. Гибнет каждый десятый, понял

Лев из сбивчивых объяснений Ганги, и многих хоронят на этом плато, чтобы и после смерти они смотрели на гору, любовь к которой их погубила. Лев попробовал сосчитать могилы. Шел, читал имена, годы жизни, вычислял возраст, загибал пальцы… Скоро ему надоело, но он решил проявить упорство, досчитал до ста, увидел, что могил еще очень много, и только тогда наконец остановился.

Это стихийное кладбище его невероятно взволновало. Кому альпинисты отдали свою жизнь? Вот этому черному треугольнику на горизонте? Пит и Лара… Олаф… Нгуен… Ханна… Джейк… Русский тезка Джейка Яков… Зачем?! Лев примостился на камне рядом с одной из могил и стал жевать бутерброд, запивая холодным чаем. «Они — мертвые, а я — живой», — думал он и пытался порадоваться боли в желудке. «Болит только живое». Лев осмотрел свои запыленные ботинки, которые больше не выглядели новыми, почувствовал, как ноют натруженные мышцы, болит поясница, пощелкал языком, потрогал себя за нос, прикоснулся к губам, голове, погладил ноющий живот и с удовлетворением убедился, что он действительно живой.

У него даже мелькнула мысль остаться здесь до вечера и посмотреть на закат: может быть, Эверест вечером станет красным — или даже черно-красным, как положено безжалостному убийце альпинистов. Льву хотелось погрузиться в печаль. И радость. Но до ближайшего гестхауса оставалось еще два часа ходу, и он решил проявить благоразумие. С трудом увел себя от величественного кладбища и пошагал вперед. Для поднятия настроения попросил Гангу спеть песню.

* * *

На четырех с половиной тысячах окончательно исчезла вся зелень, и пейзаж стал суровым, черно-белым. Теперь взору открылись семитысячники — огромные, сверкающие, покрытые снегом. Иногда вдали можно было разглядеть

черную макушку Эвереста. Местность была пустынна: камни, скалы, отдельные ледники — примерно так Лев представлял себе марсианские пейзажи.

Сверху медленно осыпались и таяли на камнях редкие снежинки. Стала напоминать о себе высота: ясно ощущался каждый удар сердца, а если тропа резко уводила вверх, то сердце начинало трепыхаться, как тонущий зверек. Лев казался себе каким-то очень большим, нескладным, стеклянным. Он возвышался над собственными ногами, одетыми в уже привычные поношенные ботинки, покачивался, боялся упасть и расколоться. Так и шел — медленно, шаг за шагом, слушая стук сердца и пульс боли в висках. Течение мыслей, и так не особо упорядоченное, совсем расстроилось, и каждый шаг вздымал осколки образов, которые перемешивались и оседали в голове, чтобы со следующим шагом взвиться вновь. Общее состояние напоминало грипп: когда-то давно, в детстве, он лежал в кровати, смотрел на обои — и все вокруг так же качалось, расплывалось, а по обоям неостановимо ползали муравьи…

Через полдня такой дороги путники добрели до небольшого гестхауса. Снег уже повалил хлопьями, и сквозь пелену сначала был виден только дым из трубы, и только потом показался сам домишко — нелепый, разлапистый, кособокий, будто бы собранный из сплошных заплаток, но особенно манящий и уютный. Хотя в этот день они прошли совсем немного, Лев решил остановиться и заночевать здесь. Славу богу, времени на подъем заложено с запасом, можно позволить себе никуда не спешить.

Центральную часть домика занимала традиционная для Тибета гостиная с железной печкой посередине. Из туристов здесь был только старик с белой бородой и длинными седыми волосами, перехваченными лентой. На бороде была заплетена смешная маленькая косичка. Одетый в несколько свитеров, он сидел у печки и читал какую-то обтрепанную книгу с пожелтевшими страницами. «Вот и я скоро буду

таким, — подумал Лев. — Если доживу». Он с неохотой достал из рюкзака свой дневник, заказал себе горячего супа и пристроился рядом со стариком.

Писать не выходило. Ныли суставы на пальцах, кружилась голова, неровно постукивало сердце, так же неровно пульсировала боль в висках. Лев медленно хлебал суп и поглядывал на старика. Тот был почти совершенно неподвижен — только мерно поднималась грудь да редкими рывками двигались глаза за линзами очков, проскальзывая по строчкам книги. Было в нем что-то от изваяния — только изваяния на удивление теплого и уютного, будто выточенного из мореной древесины.

Льву захотелось отвлечься, забыть о высоте, выбраться из скорлупы одиночества. Он отложил дневник, чуть-чуть кашлянул, привлекая внимание, и сказал:

— Простите, что отвлекаю… Как вы переносите высоту?

Старик медленно поднял голову и протяжно посмотрел на Льва — казалось, что он, как пастух, собирает слова, отбившиеся от мысли.

— С тех пор как я когда-то поднялся на Эверест, — произнес он, — четыре тысячи для меня не высота.

Ответ был неожиданным, и Лев несколько секунд помолчал. Потрескивала печка, звякало пыльное стекло в окне. А потом из Льва посыпались вопросы. Старик поначалу отвечал сдержанно и скупо, но вскоре оживился и стал рассказывать о себе с видимым удовольствием. В молодости он занимался альпинизмом. Затем семья, работа — спорт отошел в сторону. И вот — пенсия: дети отдалились, жена умерла. Через год после смерти жены старик решил посетить Непал — место, где когда-то покорил высочайшую вершину. Идти на высоту он не собирался, хотел просто побродить в нижней части долины — но за месяц неспешной ходьбы добрался до базового лагеря Эвереста. Через год он поехал в Тибет уже на три месяца — жил в гестхаусах на высоте не ниже четырех тысяч, поднимался на окрестные перевалы.

— Я старый горный козел, — улыбался он то ли Льву, то ли своим мыслям, — все никак не успокоюсь, прыгаю по камням…

Теперь он проводил у себя в Нью-Йорке только зиму, когда в горах совсем холодно, а все остальное время жил здесь.

— Тут дешево, — говорил он, — моей пенсии хватает. Квартиру я сдаю.

— Эдак вы скоро опять на Эверест заберетесь, — пошутил Лев.

— Я как раз оттуда спускаюсь, — прищурился старик. — Не верите?

— Почему же… — смутился Лев.

— Сколько мне лет, по-вашему?

— Вам… ну… семьдесят, наверное… семьдесят пять?..

— Сто девятнадцать, — сказал старик и очень серьезно в упор посмотрел на Льва.

Лев неуверенно улыбнулся: «Шутит же…» Он еще раз внимательно осмотрел старика и вдруг обратил внимание, что его волосы и борода были не просто седыми, а ярко, снежно белыми. А лицо — смуглое, покрытое тем особенным высокогорным загаром, который бывает от ультрафиолета на немыслимой высоте.

Старик хлопнул ладонью по книге и захохотал. Смеялся он громко и заливисто, как мальчишка, и радостно запрокидывал голову.

— Поймал я вас? Не поверили? Удивились? Подумали — совсем старый выжил из ума?

Старик вдруг резко затих.

— А вообще мне остался последний год.

«Он болен?.. Умирает?.. У него рак?»

— Впрочем, не мне одному. — Старик повернулся к окну, где догорал закат, и замер.

«О ком он? О других стариках? Обо всем человечестве? Или, может, обо мне? — Лев встревожился и сразу же себя отругал: — Сколько можно думать о смерти! Хватит уже…»

«А о чем еще здесь думать?»

Выяснять, что имеет в виду старик, было неловко и боязно… Лев молча придвинулся поближе к печке. Старик тоже больше не сказал ни слова — открыл книгу и погрузился в нее. Пришел шерп, подбросил в печку дров — пламя громко загудело в повисшей тишине. От покрытого сажей и ржавчиной металла начала стелиться новая волна тепла — но Льву почему-то уже не было так уютно рядом со стариком. Он вспомнил, что у него болит голова, — вернее, голова сама напомнила, — медленно, похрустывая суставами, поднялся и побрел в свою комнату спать.

Там царил мороз. Лев завернулся в спальник, отхлебнул быстро остывающий чай, но заснуть не получалось. Трепыхалось сердце, стискивало обручем виски, кто-то будто вкручивал иглы в суставы. Лев понимал, что все это эффекты высоты, но легче не становилось. В любой позе было неудобно, тело затекало, казалось, что кости чешутся изнутри, и потому он непрерывно ворочался, а потом пытался лежать неподвижно, с закрытыми глазами, прислушиваясь к отдаленным звукам ночных гор, но все равно не спал — открывал глаза и пялился в кромешную темноту — и снова перекладывал себя с боку на бок.

А потом темнота расступилась, пропиталась неярким светом, и он увидел Лизу — девушку, с которой шел к пику Коммунизма. Ей было все еще восемнадцать, и ему, видимо, опять восемнадцать, и ничего не болело. Они сидели у скалы, которая когда-то преградила им путь. Но только теперь они собирались на Эверест. Лиза взяла его за руку и сказала: «Пойдем!» — и они весело полезли вверх. Лев удивился, как легко у них получается взбираться по скале. Мелькнула мысль о страховке, но поздно — они уже высоко, под ними бурлит река. Лиза чуть впереди, выше, оборачивается, улыбается, манит за собой. И вот перед ними открываются семитысячники и огромный праздничный Эверест. Он не такой черный, как в жизни, а сверкающий,

как полярная звезда. Остается всего несколько метров — Лиза уже залезла и протягивает Льву руку, он тянется, цепляется, нога соскальзывает, он сдергивает Лизу, и они летят вниз. Парят, взявшись за руки, как два парашютиста. Сердце гулко ударяет в грудную клетку и замирает — Лев просыпается.

«Интересный сон, — думает он. — Как давно мне не снилось, что я лечу… Такие сны были в детстве. Считалось, что полет снится тогда, когда человек растет. Вряд ли я расту — разве что вниз…»

Лев напрягается, пытаясь восстановить в памяти образ Лизы, — но получается так себе. Он плохо помнит ее лицо, фигуру — только общий облик. Она была послушной — наверное, самой послушной из его женщин. Ходила с ним в горы. Нравилось ли ей — или она делала это только ради него? Тогда этот вопрос как-то не возникал. Расстались они тоже легко. Вернее, Лев — легко, а Лиза приняла как данность. К своим следующим женщинам Лев сильно привязывался, и расставание всегда было трудным. Трагичным, если его бросали. Может быть, еще трагичнее, когда он уходил сам. А с Лизой он просто перестал общаться, когда влюбился в свою однокурсницу Катю. И Лиза тихо растаяла в небытии. Не было ни объяснений, ни переживаний — или он все это попросту забыл. В шестнадцать лет они подружились, три года спустя разошлись — и с тех пор ни разу не пересеклись.

«Жива ли она? — думает Лев. — Как сложилась ее жизнь? Почему я ни разу не попробовал ее найти? Хотя бы из любопытства…»

«Она старая, — думает он. — Морщины, дряхлое тело».

«Как и ты — не забывай, что и ты старый».

«Ее жизнь уже прошла — она состоялась или не состоялась. Муж, дети. Несколько мужей и детей… А если их нет, то уже и не будет».

«А моя жизнь — она тоже уже свершилась? — продолжает думать Лев, привычно окидывая взглядом панораму

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru